

О ПРЕБЫВАНИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ПАРИЖЕ В 1717 ГОДУ

Из записок герцога де Сен-Симона

Герцог де Сен-Симон (1675 — 1755) — крупный государственный деятель, аристократ до мозга костей, «французский Тацит», в своих знаменитых «Подлинных и полных мемуарах» сумел по достоинству оценить личность реформатора России. Петр предстает перед нами в расцвете славы и могущества, в тот момент, когда потрясший Европу своими воинскими подвигами и грандиозными преобразованиями русский царь вдруг появился перед европейской публикой. За каждым шагом знаменитого гостя наблюдает множество пристрастных глаз, среди которых и глаза 42-летнего французского аристократа. Мы видим Петра вне привычной для него обстановки, но сразу узнаем знакомый образ: Русский царь остается самим собой, где бы он ни был, с кем бы ни разговаривал. Автор мемуаров — Луи де Рувруа, герцог де Сен-Симон, пэр Франции, в шестнадцать лет стал королевским мушкетером, участвовал в сражениях, но в 1702 году, к неудовольствию короля, подал в отставку, сочтя, что его обошли производством, однако остался при дворе Людовика XIV, отнюдь не пользуясь расположением короля и платя ему ответной неприязнью. После смерти Людовика XIV (в 1715 году) Сен-Симон вошел в Совет регентства — он с детства был дружен с Филиппом Орлеанским, который стал регентом Франции при малолетнем Людовике XV. В 1723 году, после того, как Филипп Орлеанский умер, Сен-Симон навсегда покинул двор и последние тридцать лет жизни посвятил литературному труду.

Многотомные воспоминания Сен-Симона — уникальное произведение мировой мемуаристики — охватывают период с 1694 по 1723 год — последние четверть века царствования Людовика XIV и период регентства. После смерти Сен-Симона правительство Людовика XV, опасаясь разоблачений, конфисковало гигантскую рукопись. Почти три четверти века она пролежала в архиве французского Министерства иностранных дел и впервые в относительно полном виде была опубликована лишь в 1829 — 1830 годах.

Работая над мемуарами, Сен-Симон использовал огромное количество документов, исторических исследований, дипломатических бумаг, собственных записок и трактатов по различным вопросам, писем и воспоминаний своих современников, в том числе дневник маркиза Данжо, королевского камердинера, который подробно записывал события придворной жизни с 1684 по 1720 год.

Мемуары Сен-Симона — это хронологическое повествование, напоминающее дневнике. Рассказы о событиях чередуются с длинными описаниями, характеристиками, портретами (Сен-Симон по праву считается одним из лучших портретистов французской литературы), с небольшими зарисовками и сценками, прерываются обширными отступлениями. Литературная критика, начиная с Сент-Бева, сопоставляла Сен-Симона с великими писателями разных эпох. «Он первый дал нам возможность воскресить в нашем воображении Версаль... Все (в его мемуарах — Е.А.) кишит жизнью» (Сент-Бев).^{*} «Как писатель, он опередил свое время на целый век. Этот большой барин расталкивает и сбивает с ног всякие принципы хорошего тона, презирает установленные приличия, чтобы поставить свой стиль в соответствие с своим темпераментом; живя одновременно с Вольтером и Монтескье, он пишет, как будет позволено писать лишь во времена Виктора Гюго и Мишлэ» (Лансон).^{**} К свидетельствам Сен-Симона часто приходится относиться критически — он человек увлекающийся, страстный и потому пристрастный. Но обычно довольно легко понять, где он чрезмерно строг к своим врагам и недоброжелателям и где слишком добр к друзьям, где он позволяет увлечь себя своему остроумию, язвительности, гневу или вражде, политическим пристрастиям и антипатиям. Сен-Симон рисует яркий, запоминающийся портрет Петра I, найдя для себя ту удобную точку наблюдения, которая позволила ему многое увидеть, заметить и запомнить. Он увидел энергичного, волевого, чрезвычайно активного, любознательного и вдумчивого человека. Он заметил его достоинства, оценил скромность запросов, простоту и раскованность в общении с людьми. Он запомнил и довольно непривычные и не очень приятные для аристократа-француза черты в поведении царя.

Глава из мемуаров герцога де Сен-Симона публикуется по тексту «Журнала министерства народного просвещения», 1856, № 1. Отд. 2. С. 1 — 24. Перевод с французского.

^{*} Сент-Бев. Герцог Сен-Симон//В кн.: Из записок герцога Сен-Симона. СПб., 1899. С. 3.

^{**} Цит. по Гревс И. М. Сен-Симон, его жизнь и мемуары//Сен-Симон. Мемуары. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 29.

Петр I, царь Московский, как у себя дома, так и во всей Европе и в Азии, приобрел такое громкое и заслуженное имя, что я не возьму на себя изобразить сего великого и славного государя, равного величайшим мужам древности, диво своего века, диво для веков грядущих, предмет жадного любопытства всей Европы. Путешествие сего необыкновенного государя во Францию, по своей необычайности, мне кажется, стоит того, чтобы не забывать ни малейших его подробностей и рассказать об нем без перерыва. Вот причина, почему я помещаю здесь этот рассказ позже, чем надлежало бы по порядку времени: точность чисел исправит этот недостаток.

В свое время мы видели разнообразные деяния сего монарха, его путешествия в Голландию, Германию, Австрию, Англию и во многие северные страны, знаем цель его путешествий и кое-что о его военных, политических и семейных делах.

Мы видели также, что в последние годы покойного короля он имел намерение посетить Францию и что король успел отклонить это посещение приличным образом¹. Теперь, когда не стало этого препятствия, Петр непременно хотел удовлетворить своему любопытству, и с этою целью приказал известить регента² чрез своего посланника в Париже, князя Куракина, что он приедет во Францию из Нидерландов, где он был тогда, для свидания с королем.

За невозможностью отказаться, надобно было изъявить удовольствие видеть государя, хотя регент охотно обошелся бы без его посещения. Расходов предстояло множество; не меньше и затруднений с могущественным государем, зорким и причудливым, с остатками грубых нравов и с многочисленною свитою людей, резко отличавшихся своими обычаями от здешних, — людей с капризами и странностями и, подобно своему государю, весьма щекотливых и взыскательных касательно того, что считали себе принадлежащим по праву или позволительным.

Сверх того царь был с королем Англии³ в открытой нерязни, доходившей до неприличия, и тем более чувствительной, что она была личною. Это обстоятельство немало стесняло регента, бывшего с королем Англии в явной дружбе, которую аббат Дюбуа⁴, из личного интереса, также очень неприлично, доводил до зависимости. Господствующею страстью царя было привести торговлю своего государства в цветущее состояние. С этой целью он устраивал в нем множество каналов; для проведения одного из них нужно было иметь согласие короля Англии, потому что канал должен был проходить через небольшой уголок германских его владений⁵. Коммерческая зависть воспрепятствовала Георгу согласиться на то. Петр, ведя войну с Польшею⁶, а потом с севером, где участвовал и Георг, ничего не успел сделать перегово-

ми и огорчался этой неудачей тем живее, что не имел возможности действовать силою и не мог продолжать канала, которого проведено было уже много. Таков был источник неприязни, со всею силою продолжавшейся в течение целой жизни обоих государей.

Куракин был один из потомков древнего рода Ягеллонов,⁷ который долгое время носил короны польскую, датскую, норвежскую и шведскую. Высокий, стройный мужчина по наружности, Куракин понимал свое высокое происхождение и был очень умен, ловок и образован. Он говорил довольно хорошо по-французски и на многих других языках, много путешествовал, служил на войне и был употребляем при многих европейских дворах. При всем том еще видно было, что он русский, его талантам много вредила, сверх того, чрезвычайная скупость. Царь и он женились на родных сестрах и имели от них по одному сыну. Впоследствии царица была отринута и помещена в монастырь близ Москвы; но Куракин не обнаружил ни малейшего неудовольствия при этой немилости. Он в совершенстве понимал своего государя, с которым сохранил свободу в обращении и у которого пользовался доверием и уважением. В последнее время он был три года в Риме, откуда приехал в Париж посланником. В Риме он не имел ни официального характера, ни дел, кроме одного секретного поручения, для которого царь туда послал его как человека верного и просвещенного.

Регент, извещенный о скором прибытии царя во Францию со стороны моря, послал королевские экипажи, лошадей, кареты, повозки, фургоны, столы и пр. с одним из королевских придворных по имени дю Либуа, с тем, чтобы он ожидал царя в Дюнкерхене⁸ и продовольствовал его со свитою всем необходимым до самого Парижа, приказывая везде воздавать ему королевские почести. Царь предназначил себе на это путешествие сто дней. Для него омеблировали в Лувре покои королевы-матери, где собирались разные советы, которые после этого приказания собирались у своих начальников.

Герцог Орлеанский рассуждал со мною кого бы избрать в почетные управители Лувром на время пребывания в нем царя? Я посоветовал ему избрать маршала де Тессе как человека, которому нечего было делать, который в совершенстве знал светское обращение и был очень привычен к иностранцам, благодаря своим военным путешествиям и посольствам в Испанию, Турин, Рим и к другим дворам Италии; обращение имел он мягкое и учтивое и, без сомнения, мог как нельзя лучше исполнить эту обязанность.

Герцог Орлеанский согласился со мною и на другой же день послал за маршалом и дал ему свои приказания. Это был чело-

век, всегда имевший связи, неприятные герцогу, и потому бывший с ним на дурной ноге. Чувствуя себя стесненным в его присутствии, маршал принял вид, что удаляется от света. Поселившись в прекрасных покоях больницы Неизлечимых (aux Incurables), он, кроме того, имел еще такое же помещение в Камальдюлях, близ Гробуа. В этих двух местах было где поместить весь его дом. Он разделил свое недельное пребывание между городским домом и дачею. В том и другом месте он давал обеды, сколько мог, и при всем том считал себя в отчуждении. Потому он был очень обрадован избранием на почетный пост служить царю, находиться при нем, везде сопровождать его и всех представлять ему. Это была его настоящая роль, и он исполнил ее как нельзя лучше.

Узнав, что царь уже недалеко от Дюнкирхена, регент послал маркиза де Нель принять его в Кале и сопровождать до прибытия маршала де Тессе, который должен был встретить царя лишь в Бомоне. В то же время для царя и его свиты приготовили отель де Ледигьер, на случай, если он с своею свитой предпочтет Лувру частный дом. Отель этот, находившийся рядом с арсеналом, был обширен и красив и принадлежал маршалу Виллеруа, который жил в Тюльери⁹. Таким образом дом оставался пустым, потому что герцог Виллеруа находил его слишком удаленным для своего жительства. Его обмелировали вполне и великолепно королевскою мебелью.

Чтобы не опоздать ко встрече, маршал на всякий случай целый день ожидал царя в Бомоне. Царь сюда прибыл в пятницу, 7 мая, в полдень. Де Тессе встретил его при выходе из кареты, имел честь с ним обедать и в том же день проводил его до Парижа.

Царь пожелал въехать в Париж в карете маршала, но без него самого, а с тремя лицами из своей свиты. В 9 часов вечера он прибыл в Лувр, обошел все покои королевы-матери и нашел их слишком великолепно убранными и освещенными, опять сел в карету и отправился в отель де Ледигьер, где и остановился. И здесь назначенные для него покои он нашел слишком нарядными и тотчас приказал поставить свою походную кровать в гардеробной. Маршал, обязанный, для почета, быть в доме и при столе царя, везде сопровождать и нигде не оставлять его, поместился также в отеле. Ему стоило больших трудов следовать, а часто и бегать за ним. На одного из королевских метрдотелей, Вертона, возложена была обязанность служить царю и заведовать столом как для него, так и для его свиты. Свита состояла из сорока разных лиц, из которых двенадцать или пятнадцать, люди

замечательные по своей личности или по своим должностям, допускались к столу царя.

Вертон был умный малый, непременный член своего круга, большой гастроном и игрок. Он угождал царю с таким умением и вел себя так хорошо, что снискал себе особенное благоволение как у царя, так и у всей его свиты.

Монарх сей удивлял своим чрезвычайным любопытством, которое постоянно имело связь с его видами по управлению, торговле, образованию, полиции: любопытство это касалось всего, не пренебрегало ничем и в самых мелких своих чертах клонилось к пользе; любопытство неослабное, резкое в своих обнаружениях, ученое, дорожившее только тем, что действительно стоило того; любопытство, блиставшее понятливостью, меткостью взгляда, живую восприимчивостью ума. Все обнаруживало в нем чрезвычайную обширность познаний и что-то постоянно последовательное. Он удивительно умел совмещать в себе величие самое высокое, самое гордое, самое утонченное, самое выдержанное, и в то же время нимало не стеснительное, как скоро он видел его обеспеченным перед другими. Царь умел совмещать это величие с учтивостью, которая также отзывалась величием; эту учтивость властелина он наблюдал повсюду, оказывал всем и каждому, но всегда в своих границах, смотря по достоинству лица. В его обращении была какая-то непринужденная фамильярность, но с явным отпечатком старинной грубости его страны, отчего все его движения были скоры и резки, желания непонятны и не допускали никакого стеснения, ни противоречия. Стол его, часто не совсем пристойный, был все же скромнее того, что за ним следовало; часто также он сопровождался вольностями властелина, который везде был, как у себя дома. Предположив видеть или сделать что-нибудь, он не любил зависеть от средств: они должны были подчиняться его воле и его слову. Желание видеть все без всякого стеснения, отвращение быть предметом наблюдений, привычка к полной независимости в своих действиях часто были причиной того, что он предпочитал брать наемные кареты, даже фьякры или первую попавшуюся карету, чья бы она ни была и хотя бы он не знал ее владельца. Он садился в нее и приказывал везти себя куда-нибудь в городе или за город. Такое приключение случилось с госпожою Матиньон, которая выехала для прогулки: царь взял ее карету, поехал в ней в Булонь и в другие загородные места; а госпожа Матиньон, к удивлению своему, осталась без экипажа. В подобных-то случаях маршал де Тессе и свита царя, от которой он таким образом исчезал, должны были следить за ним, иногда вовсе теряя его из виду.

Петр был мужчина очень высокого роста, весьма строен, довольно худощав; лицо имел круглое, большой лоб, красивые

брови, нос довольно короткий, но не слишком, и на конце кругловатый; губы толстоватые; цвет лица красноватый и смуглый; прекрасные черные глаза, большие, живые, пронизательные и хорошо очерченные, взор величественный и приятный, когда он остерегался, в противном случае — строгий и суровый, сопровождавшийся конвульсивным движением, которое искажало его глаза и всю физиономию и придавало ей грозный вид. Это повторялось, впрочем, не часто; притом блуждающий и страшный взгляд царя продолжался лишь на одно мгновение: он тотчас оправлялся. Вся его наружность обличала в нем ум, глубокомыслие, величие и не лишена была грации. Он носил полотняный галстук; круглый темнорусый парик, без пудры, не достававший до плеч; верхнее платье черное, в обтяжку, гладкое, с золотыми пуговицами; жилет, штаны, чулки; но не носил ни перчаток ни нарукавников; на груди поверх платья была орденская звезда, а под платьем лента. Платье было часто совсем расстегнуто; дома шляпа всегда на столе, но никогда на голове, даже на улице. При всей этой простоте, иногда в дурной карете и почти без провожатых, нельзя было не узнать его по величественному виду, который был ему врожден.

Сколько он пил и ел за обедом и ужином, непостижимо, не считая того, что выпивал он, в течение дня, пива, лимонада и других прохладительных; его свита еще больше. Бутылку или две пива, столько же, а иногда и больше, крепкого южного вина, а после кушанья пинту или полпинты наливок — так было почти за каждым обедом. Свита за его столом пила и ела еще больше, и в 11 часов утра точно так же, как в 8 вечера. Трудно сказать, когда мера была меньше. У царя был домовый священник, который также обедал за его столом: он ел и пил много. Царь любил его. Князь Куракин всякий день являлся в отель де Ледигьер, но жил отдельно.

Царь понимал хорошо по-французски и, я думаю, мог бы говорить на этом языке, если бы захотел; но для большей важности, он имел переводчика; по-латыни же и на других языках он говорил очень хорошо. В одной из его зал находилась королевская стража, но он почти никогда не приказывал ей сопровождать себя. При всем своем любопытстве, он никак не хотел выехать из отеля, ни обнаружить признака жизни, покуда не посетил его король. На другой день по прибытии царя, в субботу утром, сделал ему визит регент. Монарх вышел из кабинета, сделал к регенту несколько шагов и обнял его с важным видом превосходства, показал на дверь своего кабинета и, оборотясь, тотчас вошел туда без всякого приветствия. Регент последовал за ним; позади его вошел князь Куракин, который должен был служить

переводчиком. Там было два кресла, одно против другого; царь сел на кресло с высокою спинкой, а регент занял другое. Разговор продолжался около часа, но о делах — ни слова. Затем царь вышел из кабинета, а за ним и регент; после низкого поклона, на который царь ответил посредственно, он оставил его на том самом месте, где встретил.

В понедельник, 10 мая, царя посетил король, которого он встретил у дверцев кареты, и, по выходе его оттуда, шел с ним рядом по левую руку до самого кабинета, где они нашли два одинакия кресла. Король сел на правое, а царь на левое; князь Куракин служил переводчиком. Удивительно было видеть, как царь, взяв короля под мышки и подняв его в уровень с собою, поцеловал его таким образом на воздухе, и король, несмотря на свой юный возраст и на неожиданность поступка, не обнаружил ни малейшего смущения¹⁰. Поразительны были любезность царя, какую он расточал королю, нежность, какую он выражал ему, и непринужденная учтивость, которая лилась потоком, но с примесью величия, равенства и с легким оттенком преимущества по возрасту: все это можно было чувствовать весьма отчетливо. Царь очень хвалил короля, казался от него в восхищении и уверял в том окружающих. Он обнимал его несколько раз. Король сказал царю короткое, но очень любезное приветствие; в разговоре участвовал герцог дю Менъ, маршал Виллеруа и другие почетные лица. Свидание продолжалось не более $\frac{1}{4}$ часа. Царь проводил короля так же, как встретил, т. е. до самой кареты.

В среду¹¹, 11 мая, в 4 или 5 часов (*entre quatre et cinq heures*), царь поехал отдавать визит королю, которым был принят у дверцев кареты, и шел по правую сторону короля. Церемониал был условлен еще прежде их взаимного посещения. При этом царь оказывал королю ту же любезность и то же радушие; визит продолжался также не более $\frac{1}{4}$ часа. Но толпа народа осадила его.

С 8 часов утра царь осматривал площади Королевскую, Побед и Вандомскую, а на другой день — обсерваторию, Гобеленовские мануфактуры и королевский сад лекарственных растений. Во всех этих местах царь с особенным удовольствием все рассматривал и делал много вопросов.

В понедельник¹², 13 мая, царь принимал лекарство, но это не помешало ему после обеда осмотреть многие мастерские, пользовавшиеся известностью¹³.

В пятницу 14-го, с 6 часов утра, он отправился в большую Луврскую галерею, чтобы видеть там модели всех королевских крепостей, которые имел честь показать Гасфельд с своими инженерами: тут же и для той же цели находился и маршал де Виляр с несколькими лейтенант-генералами. Царь очень долго

рассматривал все модели; потом посетил многие места Лувра, а после того прошел в Тюльерийский сад, откуда удалили весь народ. В это время строили разводный мост. Работы эти он рассматривал долго и очень внимательно. После обеда он отправился к герцогине Анжуйской, которая присылала к нему своего почетного кавалера с приветствием. Исключая королевского кресла, герцогиня приняла его, как короля. Сюда приехал герцог Орлеанский и повез царя в оперу в свою большую ложу, где оба они поместились на переднюю скамейку, с большим ковром. Спустя несколько времени царь спросил: «Нет ли пива?» Тотчас принесли его в большом стакане на подносе. Регент встал, взял поднос и подал царю, который с улыбкою и учтивым наклоном головы принял стакан без церемонии, выпил и поставил на поднос, который все держал регент. Отдавая стакан, регент взял тарелку, на которой лежала салфетка, и подал ее царю, который, не вставая, взял салфетку и утерся. Эта сцена всех удивила. При четвертом акте царь ушел ужинать и никак не хотел, чтобы регент оставил ложу. На другой день, в субботу, царь взял наемную карету и отправился осматривать множество любопытных вещей у мастеровых.

16 мая, в день св. Троицы, он приехал в Дом инвалидов, где хотел все видеть и все везде испробовать. В столовой отведал солдатского супа и вина, выпил за их здоровье, трепля их по плечу и называя камарадами; восхищался церковью, аптекой и больницей и был в восторге от порядка, в каком содержался этот дом. Для почетного приема был здесь маршал де Вилляр. Супруга маршала также была здесь, как простая зрительница, желавшая видеть царя; но он узнал ее и сказал ей несколько приветливых слов.

В понедельник, 17 мая, он обедал в раннюю пору с князем Раготци, которого пригласил для этого к себе, а потом отправился в Мёдон, где были приготовлены королевские экипажи, в которых он ездил осматривать сады и парк сколько ему хотелось. При этом сопровождал его князь Раготци.

Во вторник, 18 мая, в 8 часов утра, явился к царю маршал д'Эстре и привез его в своей карете в свой дом д'Исси, где после обеда весь остаток дня он очень занимал его, показывая множество предметов, относящихся к мореходству.

В среду, 19 мая, царь занимался осмотром разных изделий и мастеровыми. Герцогини Беррийская и Орлеанская, по примеру герцогини Анжуйской, послали в одно утро своих шталмейстеров приветствовать царя. Все три надеялись получить приветствие или даже визит. Но, не получая долгое время ни того, ни другого, они наконец повторили свои попытки. Царь отвечал, что приедет благодарить их. С принцами и принцессами крови он также

затруднялся не больше, чем с первыми придворными, и не отличая их. Он не одобрил принцев, узнав, что они затрудняются сделать ему посещение покуда не уверены, что и он сделает визит принцессам: от этого он отказался со всею гордостью, так что ни одна из них не видела его иначе, как только в качестве простой зрительницы из любопытства, исключая принцессы де Конти, которая виделась с ним случайно. Все это объяснится впоследствии¹⁴.

В четверг, 20 мая, царь должен был ехать на обед в Сен-Клу, где герцог Орлеанский ожидал его с пятью или шестью придворными; но небольшая лихорадка, которую царь имел ночью, заставила его послать извиниться.

В пятницу, 21-го, он посетил Герцогиню Беррийскую в Люксембурге¹⁵, где был принят по-королевски. После своего визита он прогуливался по садам. Герцогиня между тем уехала в Мюэт, чтобы предоставить царю свободу видеть весь ее дом, который он и осмотрел с большим любопытством. Рассчитывая уехать около 16 июня, он просил приготовить к этому времени суда в Шарлевиле, намереваясь спуститься по р. Маасу.

В субботу, 22-го, царь был в Берси, у Пажо д'Онсамбрэ, главного директора почт, у которого дом наполнен редкостями и любопытными предметами всех сортов по естественной истории и по механической части. Знаменитый кармелит о. Себастьян¹⁶ был тут же. Царь провел здесь весь день с удовольствием и был в удивлении от многих превосходных машин.

В воскресенье, 23 мая, он отправился обедать в Сен-Клу, где ожидал его герцог Орлеанский. Он осматривал дом и сады, которые ему очень понравились; на обратном пути осмотрел замок Мадрид, а отсюда отправился к герцогине Орлеанской, где, между учтивостями, он давал чувствовать и свое превосходство, чего гораздо менее обнаруживал у герцогинь Анжуйской и Беррийской.

В понедельник, 24-го, он рано утром приехал в Тюльери, когда король еще не встал. Он вошел к маршалу Виллеруа, который показал ему королевские регалии; он находил их лучше и больше, чем полагал, прибавив впрочем, что он в этом не знаток. Он мало ценил красоту произведений одного богатства или чистой фантазии, особенно если не понимал их назначения. Отсюда он хотел идти к королю, который, с своей стороны, шел для той же цели к маршалу Виллеруа. Так с намерением было устроено для того, чтобы посещение это казалось не нарочным, а как бы случайным. Они встретились в кабинете, где и остались. Король держал в руке сверток бумаги и, подавая его царю, сказал, что это карта его государства. Эта любезность очень понравилась царю, который при этом случае оказал королю ту

же учтивость, ту же дружбу и радушие, соединенные с большою грациею и вместе с величием и равенством.

После обеда он оправился в Версаль, где маршал де Тессе передал его на попечение герцогу д'Антену, возложив на него обязанности почетного приема. Здесь для него было приготовлено отделение дофина, где он лег почивать в соседстве с дофином, отцом короля, и где теперь кабинеты королевы.

Во вторник, 25-го, царь обошел сады и на канале сел в лодку чем свет, раньше, чем назначено было приехать д'Антену. Он осмотрел весь Версаль, Трианон и зверинец. Главная его свита помещалась в замке.

В среду, 26-го, целый день царь очень был занят Марши и машиной. Он дал знать маршалу, что приедет на другое утро в 8 часов в отель де Ледигьер, чтобы видеть крестный ход по случаю праздника тела Господня; и маршал показывал ему крестный ход из соборной церкви Богоматери (de Notre-Dame).

Ежедневный расход царя простирался до 600 экю, несмотря на то, что он с самых первых дней ограничил свой стол. Раз ему хотелось позвать в Париж царицу, которую он очень любил, но скоро отменил это намерение. Он велел ей приехать в Аахен или в Спа, по ее выбору, и в ожидании его пользоваться водами.

В воскресенье, 30 мая, он отправился с Бельгардом, сыном д'Антена и преемником его по управлению зданиями и многими станциями, обедать к д'Антену в Пети-Бур. После обеда д'Антен показывал ему Фонтенбло, где царь провел ночь; а на другой день они поехали на охоту за оленем, которую имел честь разделять с ними граф Тулузский. Место несколько понравилось царю, а самая охота вовсе не понравилась, где он чуть не упал с лошади; упражнение это он нашел чересчур сильным, к какому он не привык. По возвращении он изъявил желание обедать один с своею свитою на острове в пруде на фонтанном дворе и возвратился в Пети-Бур в одной карете с тремя лицами из своей свиты.

Во вторник, 1 июня, он внизу террасы Пети-Бура сел в лодку и отправился водою в Париж. Подъезжая к Шуази, он приказал остановиться для того, чтобы осмотреть дом и сады. Любопытство это заставило его войти на минуту к принцессе де Конти, которая тут находилась. После прогулки он опять сел в лодку и велел провезти себя под все парижские мосты.

В четверг, 3 июня, осьмой день праздника Тела Господня, из отеля де Ледигьер он видел крестный ход из прихода св. Павла. В тот же день он отправился ночевать в Версаль, который ему хотелось еще раз осмотреть с большим досугом. Здесь ему очень понравилось. Он пожелал также провести ночь в Трианоне,

потом три или четыре ночи в павильонах Марли, находившихся близ замка, который для него был приготовлен.

В пятницу, 11 июня, из Версаля царь отправился в Сен-Клу, где осматривал самый дом и посетил девиц в их классах¹⁷. Принят был он здесь по-королевски. Он хотел также видеть г-жу Ментенон, которая, узнавши о любопытстве царя, легла в постель, велев закрыть все окна занавесями и оставив лишь одно полуоткрытым. Царь вошел в ее спальню, отдернул занавеси на окнах, а потом и занавеси постели, пристально и вдоволь посмотрел на г-жу Ментенон и, не сказав ей ни слова, ни она ему, не сделав даже признака поклона, ушел. Я узнал после, что она была очень удивлена и еще более оскорблена таким поступком; но покойного короля уже не было на свете¹⁸. В субботу, 12 июня, царь возвратился в Париж.

Во вторник, 15 июня, он отправился рано утром к д'Антену. Занимаясь в этот день с герцогом Орлеанским, я в полчаса кончил работу; герцог был этим изумлен и хотел меня удержать. Я ему отвечал, что могу иметь честь быть у него всегда, а царь скоро уезжает и я его еще не видал. Для сего я и отправился к д'Антену. Туда не впускали никого, кроме лиц приглашенных и некоторых дам, приехавших с герцогинею и ее дочерьми для того, чтобы видеть царя. Я вошел в сад, где царь прогуливался. Маршал де Тессе, увидавши меня издали, подошел ко мне с намерением представить меня царю. Но я попросил его отложить это намерение и вести себя так, как будто вовсе не замечает моего присутствия: потому что мне хотелось вдоволь насмотреться на царя, опережать и поджидать его, чтобы удобнее видеть, чего я не мог бы сделать, если бы он знал меня. Я попросил маршала сообщить об этом и д'Антену, и, с этою предосторожностью, я удовлетворил своему любопытству сколько мне хотелось. Царь показался мне довольно разговорчивым, но везде вел себя как властелин. Он вошел в один кабинет, где д'Антен показывал ему разные планы и некоторые редкости, причем царь делал много вопросов. Здесь-то я видел конвульсивные движения, о которых говорил. Я спросил маршала, часто ли они случаются, и он отвечал мне: несколько раз в день, и особенно когда царь забывает воздержать их. При входе в сад д'Антен провел царя по нижним покоем и доложил ему, что там находится герцогиня с дамами, которые нетерпеливо желают его видеть. Царь не отвечал и позволил себя вести. Он пошел тише, повернув голову к тому месту, где стояли зрительницы; посмотрел на них всех, сделав при этом едва заметное наклонение головы, и прошел гордо; судя по тому, как он принимал других дам, я думаю, что он оказал бы более учтивости и этим, если б здесь не было герцогини, изъявившей претензию на его визит. Он показывал

даже, будто не хочет знать, которая из дам—герцогиня, и не спросил об имени ни одной из них. Таким образом я уже около часа не оставлял его и смотрел на него беспрестанно. Наконец я увидел, что царь это заметил: я стал осторожнее, опасаясь, чтобы он не спросил, кто я. Пред самым приходом царя во дворец я опередил его и вошел в залу, где накрыт был стол. Д'Аnten, всегдашний угодник, нашел средство достать портрет царицы, весьма похожий; он поставил его на камин, с надписью в стихах в похвалу царицы—этот сюрприз очень понравился царю. Как он, так и свита его, нашли портрет очень похожим.

Король подарил царю два сорта великолепных гобеленовских обоев. Он хотел подарить ему еще шпагу, украшенную бриллиантами, но царь вежливо отказался принять ее. С своей стороны царь приказал раздать до 60 000 ливров королевской прислуге, которая ему служила, подарил д'Антену и маршалам д'Естре и де Тессе, каждому, свои портреты, украшенные бриллиантами, пять золотых и одиннадцать серебряных медалей с изображением главных деяний из своей жизни; сделал дружеский подарок Вертону и настоятельно просил регента прислать его к нему в качестве королевского поверенного, что и обещано было регентом.

В среду, 16 июня, царь верхом отправился на смотр двух полков гвардии, жандармов, легкой конницы и мушкетеров. При этом был только герцог Орлеанский. Царь почти не смотрел на войска, которые это заметили. Отсюда поехал он ужинать к герцогу де Трем, где сказал, что по причине сильного жара, пыли и необыкновенного стечения народа, пешего и верхами, он уехал со смотра скорее, чем желал. Стол был великолепный. Царь, узнав, что маркиза де Бетюн, находившаяся тут простою зрительницей, дочь герцога де Трем, пригласил ее к столу, и таким образом, при множестве кавалеров, за столом была одна дама. Сюда пришло много дам, также зрительниц, и царь, осведомившись, кто они, сказал им несколько приветствий.

В четверг, 17-го, царь отправился вторично на обсерваторию, а оттуда обедать к маршалу де Вилляр.

В пятницу, 18 июня, регент прибыл рано утром в отель де Ледигьер, чтобы откланяться царю, с которым и оставался некоторое время, при чем был князь Куракин. После этого визита царь поехал в Тюльери, чтобы проститься с королем. Было наперед условлено, чтобы между ними не было церемоний. Невозможно показать более ума, учтивости и нежности, сколько

царь оказал королю как во всех этих случаях, так и на другой день, когда король приехал к нему в отель, чтобы пожелать ему счастливого пути; здесь также все происходило без церемоний.

В воскресенье, 20 июня, царь уехал совсем и остановился ночлегом в Ливри, по дороге к Спа, где ожидала его царица. При выезде царь не хотел, чтобы кто-либо сопровождал его даже из самого Парижа. Роскошь, какую он здесь нашел, очень изумила его: уезжая, он изъявил сожаление о короле и о Франции, и сказал, что он с прискорбием видит, что роскошь эта скоро погубит ее.

Царь выехал из Парижа, очарованный оказанным ему здесь приемом, всем, что здесь видел, свободою, какая была ему предоставлена, и изъявил сильное желание соединиться тесными связями с королем; но интерес аббата Дюбуа к Англии был тому препятствием, имевшим горестные последствия для Франции, — в чем она не раз раскаивалась и еще раскаивается¹⁹.

Не хочется кончить об этом государе, столь неподдельно и истинно великом, который, по оригинальности и редкому разнообразию талантов и великих качеств, достоин величайшего удивления самого отдаленного потомства, несмотря на большие недостатки, зависящие от его воспитания.

Я наверное знаю, что царь посетил герцога Орлеанского и что это был единственный ему визит в Пале-Рояле; что герцог привозил и отвозил его в собственной карете; они долго разговаривали в кабинете, при чем находился только князь Куракин. Я забыл только день этого посещения.

Царь был весьма доволен маршалом де Тессе и всею прислугою. В распоряжении маршала находились все чины королевского двора, которые служили царю. Многие особы были представлены царю, но только значительные. Впрочем, многие не позаботились о том. Из дам ни одна не была представлена; принцы крови также не виделись с ним. Царь ничем другим не оказал им внимания, кроме обращения с ними в то время, когда увидел их у короля.

Часть его войск находилась в Польше и много в Мекленбурге: последние очень озабочивали короля Англии, который прибегал к посредничеству императора и ко всем возможным средствам, чтобы заставить царя удалить их оттуда²⁰. Он настоятельно просил герцога Орлеанского, чтобы он постарался достигнуть

этого, пока царь был во Франции. Герцог не забыл об этом, но не имел успеха.

Несмотря на то, царь имел сильное желание быть в союзе с Франциею. И ничего не могло бы быть выгоднее этого союза для нашей торговли, для нашего значения на севере, в Германии и во всей Европе. Царь связывал руки Англии торговлей и заставлял короля ее бояться за свои германские владения. Голландии он оказывал большой почет, а императора держал в строгих границах. Надобно сознаться, что он играл значительную роль в Европе и Азии и что Франция чрезвычайно много выиграла бы от тесного с ним союза. Он не любил императора и желал мало-помалу отучить нас от преданности к Англии; но Англия сделала нас ко всем его настояниям глухими до неприличия. Настояния эти со стороны царя долго повторялись и после его отъезда. Напрасно я напоминал об этом регенту и представлял такие доказательства, которых силу он вполне чувствовал и которых не мог опровергнуть. Но еще сильнее было очарование его аббатом Дюбуа, которому помогали тогда еще д'Эффиа, Канильяк и герцог Ноальский.

Дюбуа мечтал о кардинальской шапке и не смел еще сказать об этом своему повелителю. Англия, на которой он основал все свои надежды на счастье, сначала была ему полезна посредством давнишней его дружбы с Стенгопом. Этому обстоятельству он обязан своим посольством в Голландию для свидания с Стенгопом при его проезде, потом посольством в Ганновер; наконец, он же заключил трактаты, о которых мы упоминали выше; чрез это он сделался государственным советником и потом втерся в совет иностранных дел. Тогда он возвратился в Англию. Англичане, видя его честолюбие и оказываемое ему доверие, служили его замыслам, чтобы завлечь его в свои интересы. Целью Дюбуа было — пользуясь доверием, господствовавшим между королем Англии и императором, и искреннею, личною их дружбой, сделаться кардиналом посредством влияния императора, для которого было все возможно в Риме и который заставлял трепетать папу. Эта очаровательная перспектива держала нас в узах Англии до раболепства, так что регент ничего не смел предпринять без ее позволения, а Георг был вовсе не расположен изъявлять согласие на союз его с царем как по причине взаимной неприязни и своих интересов, так и в угождение императору: вот два капитальных пункта, на которые опирался аббат Дюбуа. Царю наконец опротивели и наша невнимательность, и наше равнодушие, которое дошло до того, что к нему не послали от лица короля ни Вертона, и никого другого.

С тех пор мы много имели случаев раскаиваться в губительном очаровании Англией и в безумном пренебрежении к России. Бедствия, причиненные этим слепым рабством, еще не кончились, и мы наконец открыли глаза лишь для того, чтобы лучше видеть неисправимый упадок, ознаменованный двумя министерствами — министерством герцога и потом министерством Флёри, которые оба были отравлены Англиею, один — посредством огромной суммы денег, которые получала оттуда его любовница после кардинала Дюбуа, другой — самыми вздорными внушениями²¹.

